

Снегирь

В то зимнее утро бабка Михайлиха - так её звали в деревне - проснулась по привычке рано. Корову уже давно продали, и хлев разобрали на дрова, в тёплом закутке топталась немолодая коза - а бабка всё вскакивала ни свет ни заря, чтобы проведать свою кормилицу.

Приводила себя в порядок, прибиралась на скорую руку - и день катился привычной колеёй, как солнышко в небе, с востока на запад. Так было издавна. Сколько она себя помнила - жила сначала в семье, потом с мужем, потом одна. И её вдовство длилось нескончаемое число лет.

Где-то в далёком городе жила её дочь с мужем, оттуда каждое лето они привозили на каникулы внука. Что будет, когда он вырастет и перестанет ездить - она думать боялась, потому что оставаться совсем безнадежно одной ей было страшно и непривычно. Когда мелькала такая мысль - успокаивала себя, что к тому времени умрёт и никаких забот об окружении себя людьми у неё уже не будет.

Умывшись, одевшись и причесавшись, она присела к окну. В воздухе за окном колебалась мутно-серая завеса измороси. Она скрывала всё, что было видно в оконном проёме: косогор, заросший пожухлой травой, несколько серых избёнок, разбитый грузовик возле одной из них. Казалось, время остановилось и не двинется больше никуда. Остановилось на последних днях ноября. А на дворе давно уже был январь. И это было не к добру - впереди могло ожидать холодное сырое лето и неурожай.

«На все воля Божия, - вздохнула Михайлиха и раскрыла потрёпанный «Молитвослов», доставшийся ей от раскулаченных деда с бабкой. Всё тогда выгребли и утащили, а «Молитвослов» и заветная икона Богородицы остались - мало ли мест на крестьянском подворье, где можно припрятать аккуратный свёрток в мешковине.

Теперь икона стояла на кружевной салфетке, прислоненная к раме окна. Утром и вечером перед ней возносились молитвы, как было заведено более ста лет назад, когда эту избу построили. Сколько людей ушло, сколько бурь пролетело - а этот порядок остался. И останется, пока Михайлиха жива.

Молилась, потом просто думала.

Скрюченные от многолетней работы руки не держали спиц, поэтому связать женщина ничего не могла - ни внуку носки и варежки, ни себе кацавейку, и от этого сокрушалась. Глядела, как по улице носится ребяшня, шлёпая по лужам - матери с утра повыгоняли пострелят на свежий воздух: каникулы, хоть и сырость, пусть детвора не путается под ногами. А внукам, приехавшим из города и вовсе раздолье - дома, в каменных джунглях не разгуляешься! Правда, к обеду все вернутся перемазанные - да невелика беда всё вымыть, просушить - времени эвон сколько! Ни в огород, ни в поле, ни на ферму спешить не надо.

Так она сидела, потом встала мыть перловку, чистить картошку на обед. «Слава Богу, ещё день послал», - подумала Михайлиха и улыбнулась своим мыслям.

- Баба! - раздался в избе звонкий мальчишеский голос. Бабуля, смотри, мы снегиря нашли!

- Ах ты, Господи! Ноги вытирай! Вчера полы протирала - не наследил. Сухие валенки обуй. Где нашли? Что за снегирь? - хлопотала Михайлиха, не сразу заметив позади внука Алёши ещё двоих ребят. Они стеснялись войти в чистую горницу и топтались в сенях.

- Вот, - Алёша протянул раскрытую ладонь. На грязной расцарапанной мальчишеской ладони лежала замученная птичка с красной грудкой. Она распустила крылышки, её головка безжизненно свесилась. Баб, он живой? Мы его на луговине нашли. Он будет летать? - тормозил бабушку Алёша и уже кривил рот, готовясь зареветь.

- Сомлел. Загоняли вы его, наверное? - высказала своё предположение Михайлиха. И тот же час её прервали сразу три протестующих голоса:

- Нет! Мы его не трогали, честное слово. Вот так и нашли. Может быть, его можно откачать?

Снегирю предлагали воду, крупу, червяков. Он вяло подвигал клювом, потом вдруг поднял головку и стал пить. Никто не видел, что позади ребят стояла Лешина бабушка и шевелила губами, перебирая четки.

- Баб, ты за него молишься?! - изумлённо воскликнул внук.

- А что же не помолиться? Всё-таки тварь Божия, - ответила пожилая женщина, поправляя платок.

- Так за каждого можно молиться, с кем случится что-нибудь?

- Зачем ждать, пока случится? Надо заранее. Встал утром, перекрестился, и «Господи, помилуй!»

- И всё?

- Почему? Открой «Молитвослов» и читай всё остальное.

- А в школу как же?

- А почитай, сколько времени хватит.
- Папа будет сердиться, - задумчиво проговорил мальчик. Он говорит, что попы и церкви - всё сплошной обман.
- Вот, ты сам видел. Никакого обмана нет. Всё у вас на глазах.
- И мы видели, - хором подтвердили другие дети. Мы всем расскажем.
- А снегиря куда теперь?
- Снегиря в клетку пока, оживёт - сам улетит. Слава Богу, малую птаху пожалел.

Притихшие ребята попятились к выходу. В тот вечер и несколько дней подряд в деревне только и было разговоров, что о чуде в доме Михайлихи. Хотя она строго запретила рассказывать об этом. Но поди, удержи этих балбесов!

Алёшка стал героем дня, и с ним все хотели дружить.

Марина Васильева
Январь 2015